

Сегодня мы поужинали поздно, и когда я вернулась в чертог Линци, был уже поздний час. До встречи с А-Хуань оставалось еще много времени. Умывшись, я достала свои заметки, написанные пиньинем, английскими буквами и упрощенными иероглифами. Усевшись на узкой кровати, я принялась вспоминать последние события, внося в записи дополнения и правки. Не успела я написать и нескольких строк, как вдруг услышала стук в окно. Распахнув его, я увидела А-Хуань в одежде служанки: она с улыбкой вскарабкалась в комнату.

Я вздрогнула от неожиданности:

— Еще так рано. Что привело тебя?

— А ты как тетушка не знаешь, — ответила она, — что после того, как Далан засыпает, у меня тоже наступает время отдыха?

Я обрадовалась:

— Далан и вправду славный мальчик.

Я уступила ей место на другой стороне кровати. Она устроилась, взяла со столика мои бумаги и, подняв бровь, спросила:

— Что это такое?

Я лишь улыбнулась в ответ, и она, не настаивая, села, подперев подбородок ладонями, и с любопытством уставилась на меня.

Ее молчание меня задело. Я придвинулась к ней и ткнула пальцем в бок:

— Почему спросила один раз и бросила?

На столике лежали мандарины. Она взяла один, разделила на дольки и одну из них положила мне в рот:

— Я уже спросила. Если ты захочешь сказать, то скажешь сама. Если нет — какой смысл допытываться?

Я, не переставая жевать, пробормотала:

— Не факт. Иногда я сама не знаю, говорить или нет. Спросишь раз — я промолчу. Спросишь два — а я, гляди, и раскачаюсь. Ну или можешь меня упросить... Мандарин сладкий, дай еще дольку.

Она, выбрав очередную дольку и очищая ее от белых волокон, сунула мне в рот и с легкой усмешкой повторила:

— Тогда спрашиваю еще раз: что это?

— Это родословные придворных сановников, — выпалила я. — Вот это написано по-арабски, а тут есть знаки, которые я сама выдумала.

Снова разинув рот, я увидела, как она вертит перед моим носом очередную дольку:

— Глупышка, я спрашиваю, что это за вещь.

Тут до меня дошло, что меня подловили. Сделав вид, что обижена, я потянулась к ней, чтобы пощекотать. Она отпрянула, сунув дольку мне прямо в рот:

— Ладно, ладно, не буду дразнить. Ешь.

Мандарин был сладким, но мысли мои витали далеко. Я нарочно широко открыла рот, захватив и ее палец, и, медленно выпуская его, не отрываясь смотрела ей в глаза. Сок брызнул на губы, но я не стала вытираться платком, а лишь облизнулась, проведя языком по контуру губ. Затем наклонилась к ней так близко, что наши лица почти соприкоснулись:

— Еще.

Я нависла над ней, опершись рукой о край ее бедра, и пальцы мои сами собой поползли вверх по ноге. Она сунула мне в рот оставшиеся дольки, вытерла пальцы о мой халат и достала из рукава пачку бумаг:

— Как раз кстати. У меня тоже есть кое-какие родословные. Проверь, не упустила ли я кого?

С трудом оторвав от нее взгляд, я взяла бумаги и изумилась:

— Это все ты написала?

В пачке было не меньше десятка листов, исписанных убористым почерком: иероглифы были так мелки, что четыре из них уместались на ногте мизинца. Страницы пестрели пометками, ссылками, комментариями, а самые важные места были подчеркнуты киноварью. Видно было, что работа проделана огромная.

Сравнив этот труд со своими жалкими несколькими листками, я покраснела от стыда:

— Ты так внимательна... Мои каракули рядом с твоим трудом просто стыдно показывать.

Она усмехнулась, взяла мои записи и, ткнув пальцем в схемы, спросила:

— Это родословные, да? А что значат эти круги? Выглядит занятно.

В прошлой жизни я привыкла вести записи с помощью диаграмм. Много стёрлось из памяти за эти годы, но навык составления схем остался. Видя интерес А-Хуань, я взяла ее руку и принялась объяснять:

— Круги делят их на группы. Вот тут — знатные роды Гуаньчжуна, во главе с Пэй, Вэй, Лю и Сюэ. А там — роды Шаньдуна. В середине — Цуй, Лу, Ван и Чжэн. Точками отмечены гражданские чиновники, уголками — военные, а звездочками — важные персоны. А эти слои показывают иерархию: от шаншу вниз, к шиланам и далее. Многих я еще не знаю, поэтому оставила пустые места.

А-Хуань, похоже, всерьез увлеклась моими схемами. Она не только внимательно слушала, но и задавала вопросы, указывая на разные места. Потом взяла кисть и принялась заполнять пробелы. Я поразилась, увидев, что она знает даже имена многих юаньвайланов и ланчжунов, и не смогла сдержать восхищения:

— А-Хуань, ты просто удивительна.

Она слегка возгордилась:

— Хотя я и недолго была супругой наследного принца, но в департаменте и Приказе Дяньчжун все же кое-что узнала.

Взглянув на водяные часы, она вдруг спохватилась, что уже глубокая ночь, и принялась торопить меня спать, предлагая принести воды. Я остановила ее:

— Ты мне невестка. Это я должна тебе прислуживать.

Она не стала спорить. Умывшись из таза, она наклонилась, чтобы снять носки. Я сказала:

— Дай я.

Поставив таз, я сняла с нее носки, взяла ее ступни и опустила в воду, принявшись нежно мыть.

А-Хуань подняла бровь:

— Тебе не противно?

Я рассмеялась:

— Я уже прикасалась к местам, куда ты ходишь по нужде. Какая разница со ступнями?

Схватив первое попавшееся полотенце, я собралась вытереть ей ноги, но она лишь рассмеялась:

— Это уже использованное. Сходи за новым за ширмой, на нижней полке. Там лежат полотенца для ног.

Я послушалась, но, вернувшись с полотенцем, проворчала:

— И зачем столько правил для простых полотенец? Сплошная морока.

Она улыбнулась:

— Тебя с пеленок так обслуживали, и ни разу не слышала, чтобы ты жаловалась. А стоит самой заняться делом — сразу недовольна.

Собравшись пройти босиком, она замерла, услышав мое:

— Холодно. Надень носки.

Я принялась искать свои носки, но не могла найти. А она все напоминала:

— Они всегда в левом ящике красного шкафа.

Меня это взбесило. Я повернулась к ней спиной:

— Всего несколько шагов. Я тебя донесу.

Она от неожиданности рассмеялась и оттолкнула меня:

— Не дури.

Я наклонилась, чтобы взвалить ее на спину, но она спрыгнула на пол и быстрыми шагами дошла до кровати. Я, раздосадованная, поплелась следом, уселась на край и, не чувствуя ни

капли сна, повалилась рядом, чтобы поболтать о дневных событиях:

— Теперь доносчики могут прямо в ворота дворца являться. Надо быть осторожнее, чтобы не дать повода.

Она спросила:

— Ты имеешь в виду, что их направляют в Управление Левой стражи ворот?

— Тех, кого задержали, отвели туда, — ответила я. — Да и матушка имя У Ицзуна упомянула. Должно быть, так. А что?

— Вэй Туаньэр годится разве что для выуживания женских сплетен, — сказала А-Хуань. — А У Ицзун по натуре горяч и несдержан. Ни тот, ни другой на роль следователя не годятся. Если матушка всерьез задумала запустить жернова судов, ей придется искать кого-то другого.

Я мрачно пробормотала:

— Кого бы она ни нашла — одно зло.

А-Хуань приложила палец к губам:

— Тсс! Больше никогда так не говори.

— Но я же только с тобой... — начала я.

Она сурово взглянула на меня:

— Даже намекать на такое нельзя.

<http://bllate.org/book/16278/1467120>